

4
26 ИЮЛ 40 г.

ГЕОРГИЙ ГЮР

ИТОГАМ СЕЗОНА В ГОРОДСКОМ ТЕАТРЕ

В последнее время особенно много говорится и пишется о том, что каждому театру необходимо иметь свое творческое лицо, не перепевать старое — свое или чужое, — а в меру сил обогащать театральное искусство, двигать его вперед.

Требование справедливое, и вряд ли кто-нибудь станет доказывать, что единство есть добродетель, что можно пробавляться только повторением и в то же время иметь право называться полноценным театром.

Требование творческого отношения к искусству не вызывает возражений и принимается на словах с большой готовностью, но в практической работе ни руководители далеко не всегда. Это — хроническая и весьма распространенная болезнь многих театров, особенно периферийных.

Как же с этой точки зрения обстоит дело в Орджоникидзевском русском театре, сделал ли театр в прошедшем сезоне что-либо для определения своего творческого лица, сказал ли он «свое слово»? Да, в этом направлении сделано немало.

Речь идет о большой и подлинно творческой работе театра в связи с постановкой «Фатимы» и «Дуни» — произведений Коста Хетагурова, и особенно о Коста «Певец народа».

В данном случае театр пошел непроторенным путем. Путь оказался трудным, но привел к значительной творческой победе, крупному успеху. Можно, конечно, говорить о несовершенстве этих спектаклей, но нельзя не признать, что они — результат добросовестной и художественной работы.

В работе над этими спектаклями у театра не было предшествеников, если не считать любительских кружков в свое время игравших «Дуно». Следовательно, все вопросы, связанные со сложнейшим воплощением произведений, театру пришлось решать самому, не имея перед глазами никаких образцов.

Больше того, инсценировка «Фатимы» была написана работниками театра (Г. Апресяном и А. Поселянином), а пьеса «Певец народа» появилась в результате творческого сотрудничества театра и ее автора.

Эти три спектакля очень тепло принимались зрителем, зритель приветствовал их, как первое «свое слово» Орджоникидзевского драматического театра, приветствовал образ Коста. Коста Хетагуров пользуется любовью не только в Осетии. Не его образ рельефнее, полнее, чем где бы то ни было, можно представить именно здесь, в Осетии, и кто же, как не Орджоникидзевский русский театр имеет больше возможностей

для правдивого воплощения на русской сцене Коста Хетагурова?

Жаль, что русский театр не продолжил и не углубил ознакомления русского зрителя с культурой и жизнью осетинского народа. В осетинской литературе немало хороших пьес. Быт, культура, история борьбы осетинского народа со своими угнетателями — все это, воплощенное на русской сцене, разве не привлекало бы зрителя в театр?

Нашились бы и переводчики пьес, написанных бы и в знатоки Осетии, готовые нежить русскому театру и подготовке спектаклей, рассказывающих о жизни осетинского народа.

Перечень творческих удач русского драматического театра не исчерпывается спектаклями «Дуни», «Фатимы» и «Певец народа». Нельзя не отметить и таких удачных постановок, как «Павел Греков», «Сады цветут», «Мария Тюдор», «Над серебряной».

Успех этих и некоторых других спектаклей городского театра объясняется, главным образом, тем, что театр вышел для основных ролей хорошими исполнителями. Игра Поселянина и Приза в пьесе «Сады цветут», Проскурина в «Павле Грекове», Петровского в «Страшном суде», Гальской в «Марии Тюдоре», Луккиной в «Как закалялась сталь», все это — примеры прекрасного, умного исполнения ролей.

Прошедшим сезоном свидетельствует о больших возможностях коллектива городского драматического театра. В целом, в течение всего сезона проявлялись в театре хорошие, при-

знаки недостаточно серьезного отношения театра к своей работе.

Так, например, зрителю был показан явно недоработанный спектакль «Дачники». Да и не только в «Дачниках», а и в других, даже лучших своих постановках театр допускал досадную неряшливость, «ложка дегтя» портила многие спектакли.

В спектакле «Как закалялась сталь» такой «ложкой дегтя» оказалось неряшливое художественное оформление и нередко же бескомпромиссное исполнение некоторых второстепенных ролей.

Выступление на сцене людей, не обладавших даже азами актерского мастерства, стало обычным явлением для городского театра. Странно видеть, что в театре уживаются рядом две манеры игры: одна — подлинно артистическая, реалистически содержанная, другая — либеральская, суетливая, при которой исполнитель «бобитированием жестов» пытается скрыть свое полное равнодушие к роли, полное ее непонимание.

Театр не использует всех своих возможностей — и в этом его основная беда. В спектакле нельзя допускать даже мелочной неряшливости, потому что и такая неряшливость может испортить в общем большую и серьезную работу.

Думается, что в этом отношении большую помощь Орджоникидзевскому театру окажут гастроли Академического Малого театра. Его спектакли — выдалый урок должного отношения к «мелочам». Для сравнения двух типов имеет существенного и несомненного в спектакле можно вспомнить массовые сцены из постановок Орди-

оникидзевского театра («Как закалялась сталь», «Лес») и массовую сцену из «Без вины виноваты» (постановка Малого театра).

Если говорить о разных уровнях игры артистов, то это может вызвать возражение, что, мол, на то он и Малый театр, чтобы играть лучше театров периферийных. Но ведь многие участники массовых сцен в «Лесе» и «Как закалялась сталь» вообще не играют, а просто стоят ил сидят, и режиссеры, видимо, никак претензий к ним не имеют.

Нельзя, конечно, упрекать артистов Орджоникидзевского театра в том, что они играют хуже артистов Малого театра. Но нужно и должно посоветовать им поучиться у своих товарищей во искусству внимательному отношению ко всем элементам спектакля.

Следует также отметить неравный хром Орджоникидзевского театра в сторону «мелких спектаклей». «Чужой ребенок», «Страшный суд», «Дамская воля», «Сады цветут» сами по себе не вызывают возражений. Но все эти спектакли, вместо взятых, да еще с прибавлением весьма сомнительной «Тетки Чарлен» свидетельствуют о слишком «массовых» соображениях театра. Пьесы такого характера (исключая, конечно, «Тетку Чарлен») чужды театру, но пользоваться ими все же надо и меру.

Орджоникидзевский русский драматический театр может и должен обогатиться без всяких ссылок на «эпифорами».